

— Стоп, снято!

Услышав команду режиссёра, Цюй Хэцин облегчённо выпрямился. Снимали сцену, где его герой Чэньсинь ухаживает за главной героиней Су Юнь, и Хэцину пришлось долго стоять в неудобном полусогнутом положении. Поясницу заломило от напряжения. К счастью, дубль утвердили с первого раза, так что мучиться долго не пришлось.

Режиссёр Чжан Чэн также остался доволен. Раз за разом пересматривая отснятый материал на мониторе, он всё больше убеждался в незаурядном таланте Цюй Хэцина.

Эта сцена с технической точки зрения была весьма непростой. Су Юнь в исполнении Бай Айцзя лежала на постели, и все её эмоции приходилось передавать исключительно мимикой, что требовало крупных планов. Чэньсиня же, напротив, нужно было снимать в полный рост, чтобы через пластику и жесты передать его отрешённую, почти неземную грацию. При этом от актёра требовалось тонко показать детскую наивность и непосредственность юноши, выросшего в затворничестве и совершенно не знающего законов мирской жизни.

Подобная задача ставила сложнейшие рамки не только перед оператором, но и перед актёрами. Даже опытные мастера порой сбивались, теряя нужный настрой, из-за чего сцену приходилось дробить и доснимать по частям. Однако Чжан Чэн видел всё до мельчайших деталей: Цюй Хэцин не произнёс ни единого лишнего слова, но пара точных взглядов вдохнула в образ Чэньсиня ту самую чистую, звенящую искренность.

Это была безупречная, ювелирная игра. Чуть меньше усилий — и персонаж казался бы плоским, безжизненным; чуть больше — и в нём проглянула бы фальшивая слащавость. Хэцин виртуозно балансировал на этой грани. В результате на его фоне даже исполнительница главной роли, Бай Айцзя, выглядела довольно блекло.

— Лао Чжан, все кадры пересматриваешь? — к режиссёрскому пульта подошёл продюсер Чжао Цянь. Бросив взгляд на экран, он сразу узнал Цюй Хэцина. — А ведь у тебя глаз-алмаз. Сяо Цюй на голову выше этого Лу Цзя.

— Ещё бы, — самодовольно усмехнулся Чжан Чэн. Одно упоминание о выходках Лу Цзя до сих пор портило ему кровь. — Да кто такой Лу Цзя? С Хэцином он и близко не стоял.

— Ладно тебе, давай только между нами, — Чжао Цянь примирительно махнул рукой. — Лу Цзя — парень мутный, с ним нужно ухо держать востро, как бы опять чего не выкинул.

— Ой, избавь меня от этих разговоров, — Чжан Чэн поднялся со стула и с удовольствием потянулся, разминая затёкшие плечи. — Ты-то чего здесь крутишься? Помнится, у тебя были неотложные дела.

Чжао Цянь весело рассмеялся:

— Ну что за вопросы? Я продюсер этого проекта! Где мне ещё быть, если не на площадке?

Чжан Чэн лишь скептически хмыкнул. Что-то раньше за Чжао Цянем такой служебной ретивости не замечалось.

— Да брось ты, — поддразнил он коллегу. — Думаешь, я тебя не знаю? Ты же просто пообедать пришёл на халяву.

Поняв, что его раскусили, продюсер даже не подумал смущаться:

— И то верно, Лао Чжан, от тебя ничего не скроешь. Идём скорее, надо разузнать, что там сегодня Сяо Цюй приготовил.

Режиссёр шутливо закатил глаза, но спорить не стал. Быстро прибрав на столе, он поспешил следом.

Впрочем, винить Чжао Цяня было трудно. Сейчас добрая половина съёмочной группы жила от звонка до звонка — вернее, от кадра до обеда, мечтая лишь о кулинарных шедеврах Цюй Хэцина.

Одним из таких страждущих был и Сун Цзыфэй. Заметив, что Цюй Хэцин наконец сменил съёмочный костюм на обычную одежду, он тут же пихнул своего ассистента Сяо Суня:

— Давай живее, дуй к нему. Скажи, что я сегодня снова хочу ту острую курицу с сычуаньским перцем.

При слове «снова» Сяо Сунь едва сдержался, чтобы не прижать ладонь к лицу. Опять объедаться? Брат Фэй, ты себя в зеркале видел? Лицо ведь уже в объектив не влезает! Того и гляди, преданные поклонницы заметят округлившиеся щёки и начнут массово отписываться в соцсетях.

Вспоминая, как в Вэйбо фанаты ежедневно заламывали руки и сокрушались, что их любимый кумир отощает на съёмках, ассистенту безумно хотелось крикнуть им прямо в монитор: «Очнитесь, люди! Наш Брат Фэй похудеет? Да это случится разве что в день, когда Цюй Хэцин покинет проект!»

Выслушав пожелания ассистента, Цюй Хэцин кивнул и послушно занёс острое блюдо в список сегодняшнего меню.

Свидетелем этой сцены стал Ван Бинь. Покачав головой, он с улыбкой заметил:

— Ну ты и крутишься, Сяо Цюй. Настоящий многостаночник.

А ведь поначалу Ван Бинь опасался, что парню улыбнулась слишком уж ошеломительная удача. Из простых курьеров — да сразу на роль третьего плана! Логично было предположить, что у новоиспечённого актёра банально не останется времени на кулинарные изыски.

Но реальность превзошла все ожидания. Буквально через пару дней режиссёр лично распорядился соорудить на площадке временную кухню. Цюй Хэцину официально разрешили хозяйничать там сразу после того, как он отыграет свои сцены и переоденется.

Решение это было встречено единодушным ликованием всей съёмочной группы, включая даже капризного Сун Цзыфэя.

Ван Бинь, за долгие годы работы по разным проектам повидавший немало заносчивых звёзд с их безумными райдерами, теперь лишь разводил руками. Актёры с капризами встречались сплошь и рядом, но чтобы кому-то выбивали персональную кухню — такое он видел впервые в жизни.

Без преувеличения, на своей кулинарной территории Цюй Хэцин обладал куда более непререкаемым авторитетом, чем Чжан Чэн на съёмочной площадке. Если Хэцин просил болгарский перец, никто не смел притащить ему картошку. Его слово на кухне было законом.

Сперва Ван Бинь переживал за юного коллегу: внезапный взлёт безвестного новичка до столь значимой роли вполне мог спровоцировать зависть и бойкот со стороны коллег. Однако Хэцин ухитрился не просто избежать косых взглядов, но и с лёгкостью завоевать расположение самого нелюдимого и привередливого человека на площадке — Сун Цзыфэя. Чудеса, да и только! Их проект давно пора было переименовать из «Легенды о Су Юнь» в какой-нибудь «Путь кулинарного бога».

— Надо же, Цзыфэй даже на примадонну нашу, Бай Айцзя, смотреть не хочет, а с тобой сошёлся, — полушутя заметил Ван Бинь, а затем негромко добавил: — У него ведь колоссальные связи в индустрии. Он только-только пробует себя в кино, но его карьера гарантированно пойдёт в гору. Пол-шоубизнеса мечтает втереться к нему в доверие.

В ответ Цюй Хэцин лишь вежливо улыбнулся, оставив намёк без комментариев.

Он прекрасно уловил скрытый подтекст в словах Ван Биня. Однако Хэцин искренне верил, что дружба должна строиться на взаимной симпатии, а не на холодном расчёте, иначе она теряет всякий смысл. Нынешний расклад его полностью устраивал. Если отбросить капризы, Сун Цзыфэй оказался отличным парнем — да, избалованным, со своими замашками молодого господина, но при этом на удивление искренним, прямым и щедрым.

К тому же на площадке вовсе назревали интриги: исполнительница главной роли, Бай Айцзя, изо всех сил пыталась раздуть пиар-роман и перед камерами, и за кадром увивалась вокруг исполнителя главной мужской роли, Ци Чжи. Хэцин же, будучи скромным и бесполезным для раскрутки новичком, держался от этих игр подальше. Ему вполне хватало возможности послушать свежие сплетни от Сун Цзыфэя во время перерывов.

Вот и сегодня, едва закончился обед, Сун Цзыфэй заговорщицки увлѣк Хэцина в сторонку, делясь свежими новостями.

— Слыхал? Цинь Фантянь возвращается в киноцентр, — вполголоса произнёс Цзыфэй. — Я думал, он наотрез отказался от эпизодической роли в «Золотом кубке», а он, гляди-ка, передумал.

Цюй Хэцин, до этого момента витавший в облаках, при упоминании этого имени мгновенно подобрался и выпрямил спину.

После того как Лао Лэй проболтался, что Цинь Фантянь спит и видит, как бы вышвырнуть его из шоу-бизнеса, Хэцин сделал для себя мысленную зарубку. Поначалу он наивно полагал: раз уж он занял это тело и не собирается лезть на рожон, конфликт угаснет сам собой. Оказалось, Цинь Фантянь всё ещё затаил на него глухую злобу.

Если верить сюжету романа, после нелепого признания оригинального Цюй Хэцина просто выгнали со съѐмок. Окончательный крест на карьере несчастного поставили позже — когда тот сдуру наговорил гадостей Лян Юю, истинной любви Цинь Фантяня. Лишь тогда разгневанный главный герой включил все свои связи, чтобы полностью перекрыть сопернику кислород.

Но в этой реальности сложность прохождения игры почему-то подскочила до максимума прямо со старта. Видимо, чувства Цинь Фантяня к своему ненаглядному Лян Юю были настолько безграничны, что он решил превентивно зачистить игровое поле от любых гипотетических соперников.

Цюй Хэцин нахмурился. Одно дело — читать роман и умиляться преданности и собачьей верности такого властного героя, и совсем другое — самому оказаться на месте бесправного пушечного мяса. Сейчас Цинь Фантянь виделся ему исключительно как заносчивый и опасный враг, вставший на его пути к успеху. Впрочем, если сравнивать его с настоящим, главным злодеем этой истории, то амбиции Цинь Фантяня казались детским лепетом.

Хэцин не успел дочитать книгу до конца, но краем уха слышал от своих учеников, что финальный босс романа был фигурой поистине жуткой — могущественным, мстительным и невероятно жестоким олигархом. Прикованный к инвалидному креслу, он люто ненавидел весь мир и особенно главных героев, подвергая их изощрённым пыткам. Беднягам пришлось пройти через все круги ада, прежде чем они сумели сокрушить этого тирана и обрести своё выстраданное счастье.

При мысли об этом перед глазами Хэцина почему-то невольно возник образ Юй Цуна в его коляске.

«И всё же, несмотря на схожие увечья, Юй Цун бесконечно далѣк от того книжного монстра, — размышлял Хэцин, мысленно сравнивая своего знакомого с описанием злодея. — Он вежлив, внимателен и даже завёл у себя парчового карпа. На фоне того безумного психопата Юй Цун, при всей своей внешней меланхоличности, просто ангел во плоти».

Вспомнив о парчовом карпе, Хэцин спохватился. Последние дни выдались настолько суматошными, что он совсем забросил своего подопечного. Интересно, как там Юй Цун? Его последние сообщения в вичате так и остались без ответа, что наводило на не самые весёлые мысли.

Немного подумав, Хэцин быстро набрал сообщение:

[Цюй Хэцин: Я освободился! Господин Юй, в честь того, что меня утвердили на роль третьего плана, разрешите пригласить вас на обед! ~]

Прочитав текст на экране смартфона, Юй Цун иронично приподнял бровь.

«Роль третьего плана? — усмехнулся он про себя. — Да его утвердили ещё неделю назад. И только сейчас этот негодник соизволил вспомнить обо мне и позвать на обед? Хе-хе».

<http://bllate.org/book/20653/2132703>